
Русский еврей
или арифметика
жизни
Александр Посохов

Александр Посохов

Русский еврей или арифметика жизни

«Автор»
2025

Посохов А.

Русский еврей или арифметика жизни / А. Посохов — «Автор», 2025

Все мы вместе в России независимо от национальности – разные и одинаковые, хорошие и плохие, чужие и родные. Я уверен, что очень многие из нас могут вспомнить евреев, например, общение с которыми было и остаётся для них содержательным, приятным и полезным. И никуда нам друг от друга не деться. Данный сборник составлен автором из девяти коротких рассказов и одной статьи о евреях.

© Посохов А., 2025
© Автор, 2025

Александр Посохов
Русский еврей или арифметика жизни

Александр Посохов

Русский еврей или арифметика жизни

Москва
2025

Все мы вместе в России независимо от национальности – разные и одинаковые, хорошие и плохие, чужие и родные. Я уверен, что очень многие из нас могут вспомнить евреев, например, общение с которыми было и остаётся для них содержательным, приятным и полезным. И никуда нам друг от друга не деться. Данный сборник составлен автором из девяти коротких рассказов и одной статьи о евреях.

Русский еврей или арифметика жизни

Михаил Семёнович Раудштейн родился в Москве 1 сентября 1940 года. Через год оставаться в столице было опасно, да ещё с такой фамилией, и отец отправил его с матерью в Свердловск.

Через 32 года однажды летом присел Михаил Семёнович на скамейку возле трамвайной остановки «Центральный рынок» в Свердловске. И налетели сюда же цыганки с детьми, как галки с галчатами. Одна из них, молодая, черноокая, но с рыжими волосами почему-то, присела рядом.

– Давай погадаю, всё про тебя скажу.

– Отстань.

– Я даром погадаю.

– Да хоть как. За пацанами лучше смотри, чтобы под трамвай не попали.

– Вот, хорошего человека сразу видно. По национальности ты француз, ну сам понимаешь. По отцу ты Семёнович. А жить долго будешь, 83 года.

– Всё?

– Всё. Дай рубль.

– С этого и надо было начинать. Дам, если скажешь, как тебя зовут? Уж больно ты хороша, чертовка! Так бы и нырнул за тобой в омут.

– Ружа меня зовут.

– А по-русски?

– Рыжая, значит.

И тут трамвай его подошёл. Михаил Семёнович быстро передал Руже рубль, вскочил на ступеньку и уехал.

За следующие 10 лет он всего лишь раз вспомнил о рыжей цыганке. Нужды не было. Жизнь шла своим чередом. Михаил Семёнович женился, жена сынишку родила. Когда по этому случаю собрались гости, он и поведал о Ружином предсказании. Посмеялся над ним и решительно заявил, что жить будет 100 лет.

За следующие 10 лет он два раза вспомнил о рыжей цыганке. Первый раз, когда отец умер, конструктор реактивных двигателей, переведённый в Свердловск в 1942 году и лично знавший лётчика-испытателя Бахчиванджи. А второй раз, когда мать умерла. И он, задумавшись о скоротечности жизни, пришёл к выводу, что отведённые ему Ружей годы вполне можно признать подарком судьбы. Но от своего плана прожить 100 лет не отказался.

За следующие 10 лет он три раза вспомнил о рыжей цыганке. Первый раз, когда прощался с Екатеринбургом. После Сортировки поезд со скрипом повернул на Москву, и Михаил Семёнович заплакал. Не здесь, оказывается, доживать придётся, подумал он. Второй раз, когда стоял у Стены плача вместе с женой и её родителями. И третий раз, когда умерла жена. Только отметили серебряную свадьбу, и всё. Тяжёлая болезнь нигде и никого не щадит. Не был бы он «французом», как назвала его Ружа, то спился бы с горя. Это у него самого такое мнение было.

За следующие 10 лет он четыре раза вспомнил о рыжей цыганке. Это снова на Урале уже. Сыну он сказал про себя, что в Израиле ему жарко, что он русский еврей и что без России он ну никак не может. Первый раз вспомнил, когда Сортировку обратно проезжали. Второй раз, когда с электрички спрыгнул. За грибами он, видите ли, поехал. Ехали, ехали и вдруг остановились посреди леса, за Гатью. Терпением Михаил Семёнович никогда не отличался. Поэтому с огромным усилием, но всё же разжал двери в тамбуре и спрыгнул. И получилось, как в цирке. Двери успели зажать ему пятку, и он повис вниз головой, носом в насыпь. И только он выдернул ногу, как электричка поехала. Корзину ещё потом долго в кустах искал. Третий раз, когда курицу гриль прямо из духовки купил и побежал через Белинского на свой троллейбус. А пакет расплавился, и курица выпала на дорогу, прямо на перекрёстке. Он, было, хотел подобрать её, а тут машина с исправными тормозами и бдительным водителем. Который всё равно обозвал его старым хрычом. Четвёртый раз, когда друга Андрея инсульт разбил. И друга и соседа. Михаил Семёнович по возвращении из Израиля специально квартиру купил в его доме. С Андреем они вместе в УПИ учились, вместе на Уралмаше работали и вместе невест выбирали. Одному Маша досталась, другому Майя. Посмотрел он на бедного друга в больнице, кривого, с безумным взглядом, вышел во двор и вспомнил о Руже.

1 сентября 2023 года. За последние 10 лет он пять раз вспомнил о рыжей цыганке. Пятый раз сегодня, в обед, когда рюмку водки, разбавленной водой в соотношении 1:2, за свой день рождения выпил. А первый раз, когда у него последний зуб удалили. Второй раз, когда у него грыжу вырезали. Третий раз, когда у него диабет обнаружили. И четвёртый раз, когда Андрей умер. Вон наш дворник-таджик на велосипеде от подъезда отъехал. Это Михаил Семёнович в окно смотрит. Мне, что ли, велосипед купить. А как я его на третий этаж поднимать буду. И правое колено болит, совсем не сгибается. Надо Вольтареном его помазать. Михаил Семёнович открывает холодильник, достаёт «Гепатромбин Г» и мажет. Мажет и вдруг спохватывается, не ту мазь взял, это же от геморроя, совсем плохо видеть стал. Включает телевизор, реклама, стреляют, выключает. Берёт с полки Бабеля и ложится на диван. Читает ровно минуту и откладывает, глаза устали. Скрещивает на груди руки и думает вслух: «Ружечка, милая, жить охота. Подкинь ещё 17 годочков. Интересно ведь, что с нашей родиной будет…»

* * *

Горчица с икрой

Новогоднее застолье. Семья Громовых с улицы Новая Басманная пригласила в гости давних своих друзей – семью Гиршиных с улицы Старая Басманная. Громовы считали себя рус-

скими, хотя кого только не намешано было в их родах и по жене и по мужу. А Гиршины считали себя евреями, хотя в целом по предкам, даже со стороны жены, со стопроцентным доказательством это тоже не подтверждалось. Дети их выросли и отмечали праздники уже сами по себе.

– Холодец у тебя сегодня просто бесподобный, – похвалил вдруг жену Василий Петрович.

– Куда ж ты столько горчицы положил? – удивилась она.

– А я люблю её и могу сколько угодно съесть.

– Прямо без мясного, в чистом виде, – шутливо добавил Арон Шаевич.

– А что, целую столовую ложку запросто съем и даже не поморщусь.

– Не верю.

– Спорим?

– Спорим. На что?

– На банку икры.

– Согласен. Дамы, вы свидетельницы.

После этого Василий Петрович действительно взял ложку, выдавил на неё из тюбика приличную горку горчицу и, театрально причмокивая, съел её. Конечно, ему было ужасно плохо, во рту всё заполыхало, глаза заслезились, но… спор есть спор.

– И где ты деньги на икру возьмёшь? – спросила жена Арона Шаевича.

– Не вижу ничего особенного, – вместо прямого ответа заявил вдруг её муж. – Я тоже так могу.

– Попробуй, – предложил Василий Петрович.

– И пробовать нечего, – сказал Арон Шаевич и в точности повторил всё то, что сделал с горчицей Василий Петрович.

Когда прощались, то перед самым уходом жена Василия Петровича спросила жену Арона Шаевича, да так, чтобы мужья слышали это:

– Сара, а ты не знаешь, зачем наши умные мужчины по ложке горчицы съели?

– Откуда я знаю, Наташа, – пожала плечами жена проигравшего спорщика. – Главное, что никто никому ничего не должен.

* * *

Омар и Зигмунд

Сидят в кафе на Плющихе двое, давным-давно известные во всём мире личности. Один мыслитель, а другой психиатр. Одного зовут Омар, а другого Зигмунд. Вот Омар и говорит Зигмунду:

– Можно соблазнить мужчину, у которого есть жена. Можно соблазнить мужчину, у которого есть любовница. Но нельзя соблазнить мужчину, у которого есть любимая женщина.

– Красиво, – похвалил Зигмунд. – Но неправда. Если бы мужчина состоял исключительно из любящего сердца, то тогда бы он вообще ничего не делал. Мужчина не состоит только из чувства, это живое существо.

– И что из этого следует?

– А то, что он подвержен любым соблазнам в силу природной зависимости. Вот посмотрите на того мужчину, который сидит за столиком у окна. Видите, к нему подсаживается девушка. Говорят о чём-то. И я абсолютно уверен, что сейчас она его соблазнит.

– Сомневаюсь, – говорит Омар. – Видите, он недовольно махнул на неё рукой, и она уходит.

– А давайте спросим у него, почему, – предложил Зигмунд.

– Извините, – подойдя к мужчине, спросил Омар, который выглядел намного старше Зигмунда. – Почему вы прогнали её?

– Потому, что она совсем обалдела, – ответил мужчина. – Представляете, пятьсот баксов за час, а у самой прыщ на лбу.

– Скажите, а у вас есть жена?

– Есть.

– А любовница?

– Есть.

– А любимая женщина?

– Тоже есть, – признался мужчина. – А вы, собственно, кто такие?

– Ну что! – торжествующе воскликнул Зигмунд, когда они, оставив мужчину в покое, вышли на улицу. – Я же говорил, что всё происходит на подсознательном уровне.

– Но я же о людях, а вы о существах, – грустно заметил Омар. – Пойдёмте лучше посидим молча в тенёчке вон под теми тремя тополями.

* * *

Врать уметь надо

Сидят на скамейке в парке два очень пожилых соседа по дому, два деда, можно сказать. Один неторопливо, по глоточку, отпивает пиво из бутылки. Идут трое полицейских, при полной амуниции, видно, что на дежурстве. Останавливаются перед дедами.

– Почему нарушаем? – спрашивает сержант с планшетом на боку, не иначе как старший по наряду. – Распивать спиртные напитки в общественных местах строго запрещено. Такой порядок. Придётся штраф заплатить.

– Я не пью, – говорит один дед и, показывая на товарища, отодвигается на край скамейки. – Это он нарушает. Я его предупреждал, что нельзя.

– Ребята, родненькие, простите дурака старого, – виноватым тоном заговорил другой дед. – Я вообще не пью. Но сегодня день танкиста. А я в танковых войсках служил. Вот и решил отметить.

– Всё равно не положено, – говорит сержант и берёт в руки планшет. – Предъявите ваши документы.

– Да какие документы, помилуй, сынок, – искренне недоумевает нарушитель порядка. – Я же просто погулять вышел.

– Тогда назовите фамилию, имя, отчество. Я запишу, и вы всё получите по почте.

– Канделябров Давид Мордехаевич, – не раздумывая ни секунды, представился дед с бутылкой.

– Ну и данные у вас, – удивляется сержант, записывая их на листок бумаги в планшете. – Необычные какие-то, редко встречаются.

– Да уж какие от родителей достались.

– А фамилия через «о» или через «а» пишется?

– Через «а», конечно. И в отчестве тоже через «а». Не ошибитесь, пожалуйста.

– Мардехаевич, что ли?

– Нет, третья гласная «а» после «х». Другую гласную тут ставить нельзя, а то некрасиво получится.

– Ладно, записал всё красиво, как вы сказали. Теперь адрес?

– Москва, улица Адмирала Кутузова, дом тридцать один, квартира тринадцать, – опять же без промедления ответил дед и бросил недопитую бутылку в стоящую рядом урну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.